

Содержание

Предисловие	8
Благодарности	11
Глава первая. Магия, дискурс и идеология	14
Магия	18
Мое определение магии	30
Магия как дискурс	36
План книги	40
Магия и гендер	47
Древняя терминология, обозначающая магию	51
Греческая	51
Латынь	59
Иврит	65
Глава вторая. Варвары, магия и конструирование Другого в Афинах	71
Возникновение магии как дискурса инаковости	71
Магия, гендер и опасность в трагедиях	83
Магия и возмездие в «Медее»	87
Магия и ошибка в «Трахинянках» Софокла	96
Магический дискурс и власть в афинской политике	106
Магия и брачное право	109
Глава третья. Masculina Libido. Женщины, секс и магия в римской риторике и идеологии	118
Дискурс «Нечестивая женщина»	121
Masculina Libido: магия и хищные женщины в римской литературе	130
Гендерный дискурс и римская идеология	157
Магический дискурс в римской политике	162

Глава четвертая. Мое чудо, твоя магия: ересь, власть и раннее христианство	171
Магические стереотипы во втором веке	172
Дискурс чуда	178
Магия и политические интриги	183
Христианство, конкуренция и магия	185
Обвинения в магии со стороны «чужаков»	187
Христианство и коррозионный дискурс	192
В соревновании с иудаизмом	194
Сотворение «еретика»: Симон Волхв	199
Мужчины-маги и женщины-жертвы	207
Глава пятая. Осторожность в кошерной кухне: Магия, идентичность и авторитет в раввинистической литературе	224
Вавилонский Талмуд	225
Магический дискурс в Вавилонском Талмуде	228
Магия и сила	229
Магия и опасные Другие	235
Социальный контекст, культурные влияния и отношение раввинов к магии	242
Палестинская набожность и аскетическая сила	247
Вавилонская магия и сила знания	253
Магия, текст и сила	258
Осторожность в кошерной кухне: женщины и магическая опасность	260
Женское сопротивление: случай Ялты	262
Женщины, еда и магия	264
Кулинария и границы сообщества	268
Еда как метафора секса	272
Эпилог. Некоторые мысли о магии, гендере и стереотипах	277
Примечания	282
Указатель имен	303

*Пьеру, с благодарностью за его терпение,
и моим родителям, благодаря которым
это стало возможным*

Предисловие

«Волхвы и ворожеи» посвящены социальному происхождению и мотивам, лежащим в основе мощных устойчивых стереотипов о маге и ведьме. В Древнем мире обвинения в магии могли стоить человеку жизни — или как минимум обвиняемый или группа таковых подвергались остракизму. Впрочем, обличения всегда откуда-то да берутся: их корень — страх перед Другим, общественные идеалы и представления об антисоциальном поведении. Таким образом, обвинения в магии и стереотипы о магах и колдуньях отражают ценности и видение, как все устроено в коллективе, использующем эту риторику. В разных культурах эти воззрения будут отличаться, а вместе с ними и образы и идеи, связанные с магией. В книге «Волхвы и ворожеи» рассматриваются самые ранние проявления стереотипов о ведьмах и колдунах в западной литературе, анализируются конкретные контексты, породившие эти стереотипы. Это исследование пересматривает обобщающие определения и редукционистские подходы к изучению магии. Прежде всего я стремлюсь понять факторы, способствовавшие возникновению конкретных стереотипов в определенные исторические периоды.

Для того чтобы раскрыть предпосылки и мотивы предрасудков о магии, я исследую литературу четырех различных эпох и культур Древнего мира: классические Афины, ранний имперский Рим, доконстантиновское христианство и раввинистический иудаизм. Благодаря такому кросс-культурному подходу мне удалось осветить некоторые аспекты древней магии, которые до сих пор оставались незамеченными; такой анализ подчеркивает различия между моделями колдовства в различных древних культурах и исследует связь между стереотипами и социальными факторами, способствовавшими их формированию. Моя позиция такова: магия — это форма дискурса (т. е. совокупность идей, практик и институтов), которая функционирует по-разному в зависимости от социального контекста. Этот

дискурс, как я утверждаю, возник в Афинах V века, после Персидских войн, и способствовал формированию ксенофобских представлений о негреческом и нецивилизованном Другом. Затем этот дискурс инаковости мигрировал в Рим и в остальной эллинизированный мир, где адаптировался к местным социальным проблемам, отражая их. В любом из этих случаев вражда представляет собой форму дискурса, который пытается договориться с властителем, и выступает в этом случае причиной для претензий на силу и легитимность.

Исследования, посвященные древней магии, в основном делятся на четыре категории:

1. Работы, документирующие материальные свидетельства древних ритуальных действий, обычно классифицируемых как магия. Такие исследования, как правило, представляют материал без подробных комментариев или оценки его социальной истории¹.

2. Работы, в которых предпринимается попытка реконструировать социальную историю древней магии, с опорой на литературные описания и/или материальные свидетельства, упомянутые выше. Эти исследования иногда некритично принимают представления о магии, имеющие в своей основе идеологические мотивы и очерняющие стереотипы².

3. Исследования, которые признают уничижительные коннотации магии как в древнем, так и в современном употреблении, и по этой причине ставят под сомнение обоснованность дальнейшего использования магии в качестве эвристической категории в науке. Эти ученые утверждают, что некритическое принятие магии как описательного термина в древних текстах навешивает полемические ярлыки и опасные стереотипы, но они к тому же могут игнорировать и доказательства того, что некоторые люди действительно занимались практиками, воспринимавшимися в их обществе как нечестивые, угрожающие и антисоциальные. Иными словами, некоторые люди в древности сознательно и, возможно, даже во вред себе занимались ритуальной деятельностью, которую сами считали магией³.

4. Последняя категория исследований, посвященных магии, отвечает на вопрос, поставленный третьей группой. Эти ученые пытаются разрешить противоречие между продолжением

изучения магии, несмотря на негативно окрашенный багаж (как древний, так и современный), который несет в себе этот термин, и полным отказом от этого термина⁴.

«Волхвы и ворожеи» относится к последней категории. Я критически осмысляю репрезентации магии, осознавая их идеологические мотивы и риторические стратегии, которые их поддерживают и формируют. Иными словами, я постоянно задаюсь вопросом: «Чьим интересам они служат?» Но я серьезно отношусь и к археологическим свидетельствам о практиках, которые люди в Древнем мире считали магией (то есть о ритуалах, нарушавших общественные нравы и традиции благочестия, чтобы нанести вред или получить контроль над кем-то). Стереотипы не возникают на пустом месте; по крайней мере, они отражают восприятие (реальной или воображаемой) опасности. Если полностью отвергнуть существование магии и считать ее просто формой клеветы, можно пропустить вполне реальную связь между обвинениями и страхом, предубеждением и социальной напряженностью. Именно источник этих стереотипов и волнует меня в «Волхвах и ворожеях». Я исследую репрезентации магии как инструмент борьбы за определение авторитета и инаковости, легитимной власти и социальной напряженности в четырех древних обществах.

Это исследование стремится усложнить существующие представления о магии, показать, что она может быть условной — бытовать по-разному в разных местах, — и в то же время я стараюсь показать преемственность магии как дискурса по мере ее миграции из Греции по Средиземноморью. Конечно, идеи об опасной сверхъестественной силе, злых женщинах-демонах или странных чужеземцах существуют во многих культурах. Я утверждаю, что навешивание на все эти идеи ярлыков ворожбы и попытки найти им единое объяснение нивелируют важные различия и культурные особенности. Вместо этого я фокусируюсь на понимании того, как в западной культуре сформировалась особая констелляция идей и средств определения Другого, известная в западной культуре как магия. Я утверждаю, что у магии есть определенная история, понимание которой проливает свет на процесс маргинализации групп людей и оспаривания власти культурно обусловленными способами.

Благодарности

Хотя принято в первую очередь благодарить научного руководителя и ученый совет, мне хочется сделать шаг назад и сказать спасибо тем, благодаря кому это стало возможным. Ведь защита докторской и написание книги — лишь верхушка айсберга, путь к нему начался намного раньше.

Я хотела бы поблагодарить Пола Рэймонда, Марка Терри и Эллен Тоссиг за то, что они основали Северо-Западную школу в Сиэтле и помогли мне, начинающему ученому, выработать целостный взгляд на историю и общество. Тимею Селл и Майру Яанус из Барнард-колледжа мне хочется поблагодарить за вдохновение и за то, что стали для меня образцами для подражания. Джона Стрэттона Хоули — за поддержку моих интересов в области сравнительного религиоведения. Алана Сегала (вдвойне искренне) — за то, что он познакомил меня с увлекательным миром эллинистической религии, а затем стал проводником по его лабиринтам, пока я училась в докторантуре. Хельмута Кёстера, Кимберли Паттен, Маргарет Майлз и Джеймса Кугеля — за поддержку и руководство во время обучения в магистратуре Гарвардской школы богословия.

Мири Кубови и Джозефа Дэна — за вдохновение изучать иврит и иудаизм, несмотря на позднее начало. Рут Фейген — за то, что позволила мне посещать занятия по Талмуду в Еврейской теологической семинарии, хотя у меня нет соответствующего образования. Моих коллег из Карлтонского университета, особенно Роланду Джеффрису, Джошу Биду и Шейну Хокинсу, которые внимательно прочитали и отредактировали главы о греческой и римской литературе.

Других ученых, которые нашли время для чтения и комментария, — Джил Аниджар, Стаменку Антонову, Зебу Крук, Дэвида Франкфуртера, Эми Голливуд, Дейну Каллерес, Джейсона Калмана, Ричарда Калмина, Барри Леви, Тодда Пеннера, Аннет Йошико Рид, Джеймса Райвса, Яна Скотта, Барбетт Спет

и Стива Уилсона. Мне очень помогли анонимные рецензенты издательства, в том числе Мэри Роуз Д'Анджело, которая любезно раскрыла себя и с тех пор неизменно меня поддерживает. Я беру на себя полную ответственность за любые оставшиеся недочеты. Отдельно я благодарю Элизабет Кастелли за ценные отзывы и советы в процессе написания диссертации. Кристина Милнор позволила ознакомиться со своей неопубликованной диссертацией, которая оказалась чрезвычайно полезной для формулирования аргументации в главе 3. Позже это исследование было опубликовано под названием *Gender, Domesticity, and the Age of Augustus*. Элен Фоли прислала мне корректуру своей книги *Female Acts in Greek Tragedy* до ее выхода, что послужило отличным подспорьем для подготовки моей аргументации в главе 2. Дэвид Крамер любезно прислал мне текст своего доклада на конференции SBL 2001 года, а позже — корректуру будущей книги, посвященной еврейским традициям питания, что помогло мне развить аргументацию в главе 5. Бет Берковиц, рабби Рувен Булка и Джонатан Милгрэм проконсультировали меня по раввинским материалам. Гарольд Ремус продолжает давать отличные советы и поддерживать меня. Ему также стоит отдать должное за то, что он первым порекомендовал мне обратиться к Венди Лохнер из издательства Колумбийского университета, которая оказалась замечательным, терпеливым и отзывчивым редактором. Также благодарю Сьюзен Пенсак, редактора рукописей, за ее полезные советы и вкусные рецепты. Мои ассистенты по исследованиям: Александр Дирхэм, Мередит Хамфри Бернетт, Шайлер Плейфорд и удивительно квалифицированный Саймон Гурофски оказали мне многостороннюю помощь, проверяя и отыскивая нужные материалы.

Дэниел и Бонита Сландер согревали меня холодными оттавленными зимами, угощали оссобуко и домашним вином. Коллеги с факультета гуманитарных наук Карлтонского университета приняли меня в Канаде, показали удивительную солидарность и искреннюю дружбу. Мой муж, Пьер, проявил невероятное терпение и оказал поддержку на протяжении всего этого долгого процесса, помогая редактировать текст и обсуждая содержащиеся в нем идеи и аргументы. Он применил свои выдающиеся

аналитические способности к моей тяжеловесной прозе и недосформулированным теориям. С любовью и благодарностью я посвящаю эту книгу ему и моим родителям, которые вдохновляли и поддерживали меня во всех моих эксцентричных начинаниях, включая это.

Наконец, самые теплые слова благодарности моему наставнику, другу и неумолимому научному руководителю Алану Сегалу, а также остальным членам ученого совета — Винсенту Уимбушу, Дэвиду Халивни и Элен Фоли — за то, что они поверили в проект и вдохновили меня работать в разных областях несмотря на возникшие трудности.

PhD-исследование было профинансировано American Association of University Women (стипендия на 2000/01 учебный год). Я также получила стипендию имени Жозефины де Карман в 2000/01 году, что обеспечило столь необходимые дополнительные средства. Колумбийский университет любезно поддерживал мое обучение, а также предоставил средства на летние поездки и исследования. Декан факультета искусств и наук Карлтонского университета предоставил грант на завершение рукописи и поддержку научных сотрудников. Я польщена и благодарна этим учреждениям и ассоциации за финансовую и моральную поддержку. Часть главы 4 была опубликована под названием *The Rhetoric of 'Magic' in Early Christian Discourse: Gender, Power, and the Construction of 'Heresy' in Mapping Gender in Ancient Religious Discourses* (eds T. Penner, C. Vander Stichele. Leiden: Brill, 2006). Более ранняя версия главы 5 опубликована под заголовком *Imagining Power: Magic, Miracle, and the Social Context of Rabbinic Self-Representation* (*Journal of the American Academy of Religion*. 2005. Vol. 73. № 2. P. 361–393).